

А. С. ЕЛЕОНСКАЯ

ПОСМЕРТНЫЙ ПАНЕГИРИК ПЕТРУ I
В СТЕНАХ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ

Петр I потребовал от театра создания пьесы с актуальной политической тематикой, без «любви, которую всем навязывают». Эта задача была в известной мере решена школьной драматургией: ясно выраженным политическим характером отличаются как ранние пьесы о Северной войне, так и произведения более позднего времени, ставившиеся на школьной сцене. В числе последних заметное место принадлежит пьесе Исаакия Хмарного «Образ победоносия».

Пьеса «Образ победоносия» была поставлена на сцене Славяно-греко-латинской академии 1 января 1728 г. в связи с коронацией Петра II.¹ Сведения о ее авторе крайне незначительны: киевский иеромонах Исаакий Хмарный приехал в Москву по вызову Синода в 1725 г. и стал преподавать в Славяно-греко-латинской академии пиитику и риторику. Кроме пьесы им был составлен компилятивный курс поэтического искусства на латинском языке, ряд глав которого посвящен античному театру и теории драмы.² В 1729 г. Исаакий Хмарный был отпущен назад в Киев, откуда он в свое время выезжал крайне неохотно.

¹ Пьеса известна в двух списках, дошедших в составе сборников: один находится в ГПБ АН УССР, собрание Киево-Софийского собора, № 686 (482), другой — в ГПБ, собрание Михайловского, № 503. Более ранним из них следует признать второй список, представлявший собой черновой экземпляр, который потом был не просто начисто переписан, но и в известной степени переделан: так, в списке Михайловского имеются канты, которых нет в тексте Киево-Софийского сборника, значительно подробнее ремарки, приведено полное заглавие пьесы, отсутствующее в Софийском списке. Беловой список был напечатан В. Н. Перетцем под заглавием «Драма о Езекии, царе израильском» в кн.: Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. СПб., 1903.

² Находится в составе тех же сборников, что и пьеса «Образ победоносия».

Являясь формально панегириком юному монарху, произведение в значительной степени воскрешало события прошлого и прославляло Петра I. Но, естественно, явления послепетровской действительности наложили свой отпечаток на содержание пьесы и осложнили образ главного героя, которому автор приписывает порой черты, не только свойственные Петру в жизни, но и в корне ему чуждые.

По своему жанру «Образ победоносия» относится к панегирическим действиям, хорошо знакомым русскому зрителю по пьесам Славяно-греко-латинской академии о русско-шведской войне («Царство мира» и другие), а также спектаклям Московского гофшпиталя «Слава российская» (1724) и «Слава печальная» (1725). Правда, сравнительно с двумя последними пьеса Исаакия Хмарного отличается большей архаичностью: если «Слава российская» и «Слава печальная» не связаны в сюжете со Священным писанием, то в «Образе победоносия», как и в первых школьных пьесах, наряду с аллегорическими и античными персонажами действуют библейские герои. Вместе с тем пьесы Журовского и произведение Хмарного близки друг другу своим декламационным характером и статичностью.

Пьеса состоит из антипролога, пролога, двух действий и эпилога. По существу это совершенно самостоятельные части, очень разные по своей жанровой природе и не связанные содержанием, однако подчиненные общей идее и объединенные главным героем. С этим героем читатель впервые встречается в прологе, представляющем по своей форме прозаическую торжественную проповедь. Выражая здесь скорбь об уходе из жизни Петра и Екатерины, Исаакий Хмарный рисует образ царя-преобразователя, строителя могущественного государства. Он говорит об униженном положении России в прошлом и ее теперешней величии, достигнутом благодаря деяниям Петра I: «О, Россия и твоя чады! ... сама помысли, кто бысть и кто ныне, како вознесенна, прославленна и всюду аки на театре разглашенна». Автор при этом в значительной степени идет за Феофаном Прокоповичем, тоже прославлявшим новую Россию, которую Петр поднял на недостижимую высоту. Так, в «Слове похвальном в день рожества благороднейшаго государя царевича и великого князя Петра Петровича» Феофан Прокопович писал: «Что бо была Россня прежде так не долгого времени? И что есть ныне? Посмотрим ли на здания! На место грубых хижин наступили палаты светлые, на место худого хвастия, дивныя вертограды. Посмотрим ли на градския крепости! Имеем таковыя вещию, каковых и фигур на хартиях прежде не видели».³

---

³ Феофан Прокопович. Сочинения. Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., 1961, стр. 44.

В сходных выражениях эта мысль звучит в проповеди «О флоте российском»: «Как многими Россию твою одолжил еси (Петр, — А. Е.) благодеем! Тебе должна есть исправление, красоту и толикую силу свою; тебе должна всю толь дивную и славную измену свою».⁴ Исаакий Хмарный, как видим, усвоил мысль своего предшественника и даже его стилистическую манеру, хотя и не сумел в полной мере взять на вооружение художественные достижения талантливого публициста: рассуждения Исаакия Хмарного отличаются общим характером, в то время как панегирическая проповедь Феофана полна живых деталей (см., например, сравнение России с деревом, которое сначала было совсем незаметно, а потом превратилось в великана).

Зависимость Хмарного от Феофана Прокоповича и в то же время неумение по-настоящему использовать реминисценции из его проповедей проявляются и при упоминании о смерти Петра I. Эта часть пролога напоминает по своему построению «Слово на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича: сначала хвала Петру и скорбь о его утрате, а затем удовлетворение по поводу того, что бог, взяв Петра, оставил Екатерину. Характеризуя монархиню, Исаакий Хмарный подчеркивает, что она — достойная преемница Петра: бог «остави жену в женской ипостаси, но в делах мужественных, поистинне, многих превосходящих мужей... истенное зеркало дел Петровых», достоинства которой «не точию едина Россия, но и весь честны на земному циркуле сей мир засвидетельствовати, кроме всякаго похлебства может». Феофан Прокопович, обращаясь к Екатерине, также заявлял: «Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру Великому. Владетельское благоразумие и матернее благоутробие, и природою тебе от бога данное, кому не известно!».⁵ Но он вместе с тем, не ограничиваясь обобщенной похвалой, говорит о Екатерине как о «сообщнице ложа» великого человека и как о верном товарище в «трудах и различных бедствиях». Перед читателем таким образом оживает человек, хоть он и обрисован средствами панегирической проповеди.

В конце пролога пьеса звучала мысль о любви сильнее смерти, тоже впервые, применительно к Петру и Екатерине, высказанная Феофаном Прокоповичем в «Слове похвальном в день великомученицы Екатерины». Исаакий Хмарный утверждал, что императрица «не восхоте разлученна быти» от супруга, так как «яко же при нем, тако и по нем любовь нелицемерну к нему отдержаше».

Тема Петра, намеченная в прологе, развивается далее в первом действии на материале ветхозаветного рассказа о благочестивом царе Езекии (4-я Книга Царств, гл. 18—20). Аналогия Езекия —

⁴ Там же, стр. 111.

⁵ Там же, стр. 128.

Петр подчеркнута уже в заглавии пьесы,⁶ где Езекия назван «подвигположником», — этот термин впервые был применен к Петру I еще Иосифом Туробойским в предисловии к описанию триумфальных врат 1704 г. Кроме того, во втором действии прямо сказано, что под Езекией подразумевается сам Петр Великий.

История благочестивого библейского царя, победившего могущественного ассирийского монарха Сенахирима, действительно была удобным материалом для прославления покойного императора. Борьба Езекии против «нашествия супостатов» напоминала о победоносной войне против шведов. Основания для подобной аналогии возникают по мере того, как автор настойчиво и многократно внушает зрителям, сравнивая Езекию и Сенахирима, что «бог горделивым противен бывает, смиренным же благодать свою посылает». Противопоставление гордой Швеции скромной России широко вошло в литературный обиход еще с Полтавской битвы. Только материалом, с помощью которого оно обычно делалось, была легенда о Давиде и Голиафе (см., например, программу к пьесе «Божие уничижителей гордых ... уничижение»). Исаакий Хмарный для воплощения идеи, вошедшей в плоть и кровь каждого русского человека, воспользовался иносказательным материалом о царе Езекии.

Образ нечестивого царя Сенахирима в пьесе Хмарного вполне мог ассоциироваться с Карлом XII: это «царь превеликий», «лютый», «непобедимый», «во всех окрестных странах честью славимый». В «Славе российской», близкой по времени создания к «Образу победоносия», «Швеция» говорит о себе почти в тех же словах:

Стати не может никто со мною в раздоре
ниже в сухопутии, но ниже на море,
Всяк мене кавалера признавает славна,
никого не боюсь, врага хотя главна.
В военных артикулах обучен жестоко,
водружу врагом раны в тело преглубоко.
Нанесох злая всяка России безмерно...⁷

Езекия, как и Давид, отличается смирением и тем не менее побеждает. Притом победа, им одержанная, столь значительна, что в ознаменование ее пророк Исайя прилагает к житию Езекии 15 лет, — в данном контексте эта деталь (она имеется и в Библии) воспринимается как намек на Полтавскую битву: примерно столько же ($15\frac{1}{2}$ лет) прожил и Петр I после сражения 1709 г.

Езекия в пьесе Исаакия Хмарного, однако, не просто победитель, но устроитель мира, «тишины», противопоставляемой войне:

Лучше в примирении советую жити,
в миротворении свое здравие хранити,

⁶ «Образ победоносия торжественного подвигположника, огражденного несуменною в бога верою, надеждою и любовию, иерусалимского царя Езекия».

⁷ ЧОИДР, 1892, кн. 2, стр. 11.

Ибо война повсегда вражду сотворяет,
жестокостию своею грады разоряет...
... Будет в примирении и в тишине з нами,
и познаем мир благий во отечестве сами, —

говорят его сенаторы, выражающие мнение самого царя. Миротворцем изображался Петр I и в кантах, посвященных Ништадтскому миру 1721 г. В песне «Кто идет с войском, лаврами венчаный...» Петр оружие «слагает и отдыхает»; «враждующие ссориться забыли, вражду отвергше себе возлюбили», а «Россия в том виде вся просветится...», солнце лучшие дни ей воссияло, все лучше стало». ⁸

Верный, в основном, сложившимся традициям в изображении личности Петра I, Исаакий Хмарный тем не менее привнес в образ царя Езекии такие черты, которые могли возникнуть в сознании писателя только под влиянием послепетровского времени. Езекия в отличие от Петра — активный поборник церкви и православия:

Просвещу Иерусалим верою преславно,
Да прославится имя, имя бога явно.
Освещу его храмы, освещу велики.
Прославлю всещедрого со псалмы и лики,
Аще же кто вопреки явится противна,
Наложу тому казни, казни зело дивны.

Подобный взгляд на взаимоотношения царя и церкви мог возникнуть только после смерти императора, когда в среде духовенства оживились надежды на усиление роли церкви, приниженой Петром I.

Событиями нового времени навеян в первом действии и мотив, отсутствующий в библейской истории царя Езекии, о праве избрания монарха на престол. Как известно, вопрос о престолонаследии из-за отсутствия прямого преемника был чрезвычайно острым, и его не решило коронование Екатерины I, — невольно приходилось задумываться о будущем. Дочери от «боковой», «привенчанной» иноземки не были в глазах большинства вполне законными претендентками на русский престол, а воцарение Петра II, сына казненного царевича Алексея, знаменовало возвращение к старым порядкам и грозило опалой представителям новой знати. Интересы обеих семей Петра I и тех, кто за ними стоял, не удалось примирить и с помощью матримониальных планов, возникавших поочередно: Петра II собирались женить то на дочери Меншикова, то на его тетке Елизавете Петровне, старшей его пятью годами. Смерть Екатерины I в 1727 г. открыла двенадцатилетнему Петру II и его сторонникам дорогу к власти.

⁸ А. В. Позднеев. Русская панегирическая песня в первой четверти XVIII века. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 353—354.

Государственное руководство временно перешло к родовой аристократии, в первую очередь к князьям Долгоруким и Д. М. Голицыну. Эти обстоятельства не могли не отразиться в пьесе: читателям здесь внушается мысль о том, что царь занял престол «по достоинству», однако писатель при этом не скрывает скромного положения претендента в прошлом:

Кто убо аз бех прежде, смирен Езекия?
Ныне мя облекл еси в щедроты благия. . . —

так начинается благодарственная молитва Езекии к богу. Но, оказывается, не только бог «удостоил» его «сести на царском престоле», — Езекия «посажен» на трон своими сенаторами, и Исаакий Хмарный достаточно тонко показывает эту зависимость монарха от своих подчиненных: несмотря на громкозвучные оды, которые ему слагаются, царь своим «военачальникам» не отдает приказы, а «молит» их: «Молю вас за отчество крепчайшими стати», и т. д.

Второе действие является логическим продолжением первого, и в нем снова прославляется Петр Великий, но сделано это иными средствами: если в первом акте еще имеется какое-то подобие сюжетной линии, определяемой, впрочем, больше содержанием библейского рассказа, чем творческой фантазией автора, то второе действие — типичная панегирическая декламация, лишенная всякой фабулы. Исчез из него и царь Езекия, ненужный теперь автору. Начисто забыв о библейском персонаже, писатель выводит на сцену новые говорящие лица: Россию, окруженную Верой, Надеждой, Любовью и Славой, апостолов Петра и Андрея, а в самом конце Геркулеса и Марса.

Во втором действии нарисован обобщенный образ сильного и просвещенного монарха. Он создается с помощью панегирика Петру I и наказа Петру II. Петр Великий именуется «отцом отчества», «модератором» (правителем), «автократором» (самодержцем), «поборителем» других народов. Это царь,

Иже изяществом всех царей превзыде,
Всех добродетели так, как денница, взыде
Толика любомудра Россия не знаше. . .

Он, по словам поэта, —

Верно мерило правды, отчества ревнитель,
Дел славных, героичных, искусны рачитель
Сего велиим страхом Европа стрясеся,
Африка и Азия Петром ужашеся.

Образ могущественного монарха, вырисовывающийся из панегирика Петру Великому, раскрывается дополнительно также в наказе Петру II. Этот литературный прием, который впоследствии будет широко использовать Ломоносов, следует признать

весьма удачным: двенадцатилетний царь ничем еще не успел себя прославить, и Хмарный, не имея материала для его характеристики, пишет, каким должен стать новый монарх в будущем. Царственный отрок будет достоин своего деда: он

Даст тому ключ разума народ управлять,
Славу же по вселенной твою расширять.
Той будет премудрейши паче Саламона,
Тебе же, вдовствующей, крепка оборона.
Той победит силою, покорит под ножи,
Воспримет под свою власть страны инны мнози. . .

Прославляя престол и его обладателей, Исаакий Хмарный использует сложившуюся панегирическую терминологию, введенную в силлабическую поэзию еще Симеоном Полоцким:

Понеже ти велия радость принесеса,
егда Петр, император вторы ти дадеса.
Солнце тя днес второе озари прекрасно,
ибо взыде отчеству светило прясно, —

пишет Исаакий Хмарный о Петре Втором. Симеон же Полоцкий следующим образом характеризовал в «Стихах краесогласных» прадеда юного монарха, Алексея Михайловича:

Яко бо солнце весь мир просвещает
сиде во сердцах радость проникает
От лица царска. Тем же припадаем
к стопам ти, яже лобзати желаем.

Автор «Образа победоносия» приветствует нового монарха словами:

Поздравляю возшедша на холм выше трона,
да сияеши наша оборона. . .

В свое время Симеон Полоцкий тоже говорил:

Без тебе тма есть, ак в мире без солнца,
свети ж нам всегда и будь оборонца. . .

Подобные совпадения говорят, разумеется, не о прямых заимствованиях Исаакия Хмарного у Полоцкого: он мог и не читать произведений последнего, но они лишний раз свидетельствуют о формировании одического стиля задолго до Ломоносова.

Важное место среди персонажей второго акта занимает Россия. Этот образ знаком всем жанрам литературы с начала XVIII в.: «Отечество русское» упоминается в числе главных героев программами пьес о Северной войне; России по существу посвящены все проповеди Феофана Прокоповича; «российская Европа» изображается равной другим странам в «Повести о Ва-

силы Кориотском»; в пьесе госпитального драматурга Ф. Жу-
ровского «Слава российская» дан развернутый образ государства,
знаменитого своими победами и прославленного науками; матери-
России посвящает лирические стихи Третьяковский — в том же
1728 г., когда был написан и «Образ победоносия»:

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны. . .

В произведении Исаакья Хмарного образ России не столько
играет самостоятельную роль, сколько служит средством харак-
теристики царя. В этом смысле пьеса наиболее сопоставима с кан-
татами петровского времени, где Петр I и Россия нерасторжимы:
Петр, читаем мы там, «упремудри Россию толико», что враг и
«нечаях России такову быти».⁹ Верная Петру Россия «вопиет»,
узнав об измене «ядовита и лукава змия» Мазепы, и т. д. В «Об-
разе победоносия» достаточно выразительно передано психологи-
ческое состояние героини, символизирующей здесь не столько
страну, сколько ее людей, в связи со смертью Петра I:

Да пожрет мя земля днес, да пожрет мя вскоре,
да не к тому пребуду в нестерпимом горе. . .
Не могу несносныя печали терпети,
ниже могу на неба очима воззрети
и т. п.

О крайней степени скорби говорят и междометия «ах» и
«увы», сообщающие монологам России характер плача.

Нельзя отказать в эмоциональности и тем сценам, где Россия
приветствует вступление на престол наследника. Это своего рода
гимны, в которых предельно гиперболизировано чувство радости,
состояние восторга:

Торжествуй, круг россиски, ныне светллучны,
наста время, приспе ден, ден радостны, гучны.
Торжествуйте, вси царства, торжествуйте, грады,
торжествуйте, вси дома, приспеша отрады!
Торжествуйте со мною, россиская чада,
вси купно сошедшеся от стара и млада. . .

В монологах России то скорбных, то радостных перед зрите-
лями возникал образ Петра I, прекрасные черты которого — вну-
шал автор — усвоит и новый «подвигположник», юный наслед-
ник, носящий имя своего великого деда.

Второе действие драмы, таким образом, представляет собой,
на первый взгляд, безусловный панегирик Петру I. Оно им и

---

⁹ П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом,
т. 1. СПб., 1862, стр. 369.

является, но только в беловом списке произведения. Что касается черного текста (рукопись Михайловского), то там имеются строки, в которых, несмотря на прославление Петра I и Екатерины, достаточно явно осуждается время, предшествовавшее воцарению Петра II. Эти ноты недовольства звучат в кантах, не включенных в беловой список. Мы читаем:

Ныне России приде свобода,
Смутнаго время отбеже погода;
Пристанище бысть паки ей любезно,
ей не слезно!

(5-е явление)

Худые бо лета зараз уидоша,
Щасливы времена скоро найдоша:
Ныне, Россия, красно веселися
и усладися.

(6-е явление)

Из белового списка канты исчезли, видимо, из-за этих строк: в произведении, прославлявшем не столько юного монарха, сколько Петра и Екатерину, они звучали достаточно двусмысленно. Но само их появление говорит о наличии в стенах Академии оппозиционных настроений по отношению к петровскому времени. Что касается Исаакия Хмарного, то мы можем лишь гадать о причинах его недовольства. Скорее всего оно — результат национальной принадлежности поэта, который не мог забыть жесткой политики царя на Украине, хотя и воспринимал в целом деятельность Петра положительно. Во всяком случае именно киевляне первые приветствовали Петра II: Ф. Трофимович пьесой «Милость божия», С. Ляскоронский трагедокомедией, а ученик Киево-Могилянской академии Яков Голяховский в панегирике «Эхо радости, приветство и благодарение из Малыя России» прославлял нового императора за разрешение украинцам вновь избирать гетмана — привилегию, отмененную Петром I.

Несмотря на то что в тексте «Образа победоносия» очень мало ремарок, отдельные реплики действующих лиц дают возможность представить, как они выглядели на сцене и какие совершали действия. Это прежде всего касается аллегорических персонажей, которые в соответствии с теорией школьного спектакля действуют в драме. Фортуна, например, просит обратить внимание на ее одежду, «златом всю кованну, || яхонтами, алмазы предраго звоянну». Марс свою непобедимость демонстрирует тем, что он стоит «недвижим ногами», в руках же, которыми он «свирино поступает» и «страшит», т. е., очевидно, размахивает, держит кровью «сполненный» меч. Реплика Марса о том, что он зрит «со прилежанием, где врага убити, в сердце ли, или в груди, с центру не вступити», позволяет предположить,

что свое искусство владения мечом он демонстрировал не только словесно. Символом Надежды был якорь, и она указывает на него, говоря, что как этот якорь укрепляет корабль, так он охраняет и полагающихся на Надежду.

Посредине сцены возвышался трон, на котором в первом действии восседал Езекия, а во втором — Россия. Езекия был облачен в «порфиру златотканну», «пресветлу» корону, в руках он держал скипетр. Перед тронном поочередно выступали со своими речами сенаторы царя. Сам он по ходу действия, когда обращался с просьбой к пророку Исаяе, передевался «во вретитше».

На сцене, очевидно, было и «небо»; она, как видим, сохраняла старое устройство: по крайней мере пророк Исаяя появлялся «в облаке», и «с небеси» раздавался глас божий.

Большинство событий первого действия происходило за сценой, о них только рассказывалось. В этом отношении значительно отличается от содержания самой пьесы ее Синописис: в нем сообщается, например, что Езекия самолично разрушает «змею меденую», — на сцене ничего подобного нет, царь лишь отправляет своих послов сокрушать кумиры, в том числе и медного змея. Зритель мог ожидать эффектного зрелища, прочитав в Синописисе, как ангел убивает ночью сто восемьдесят тысяч ассирийцев, но во время самого представления должен был удовлетвориться лишь рассказом об этом.

Что касается второго акта, то он благодаря своему декламационному характеру был обращен не столько к зрению посетителей театра, сколько к их слуху. И здесь, вполне логично, дополнительными средствами эмоционального воздействия на зал стали музыка и пение: в речах действующих лиц постоянно упоминаются «сладкие музыки», «Орфей со музыки», «песни и тимпаны», «златокованные трубы», «литавры и тимпаны, сипоши, сопелы». В пьесе звучат канты — один раз в первом действии и три раза во втором. Это канты-виваты, написанные в стиле петровского времени и примененные к торжеству.

Стремясь сделать свою декламацию как можно более звучной, Исаакий Хмарный дважды использует во втором действии прием так называемого эха, благодаря которому монологи России (2-е явление) и Славы (5-е явление) превращаются в своеобразные диалоги с «эхом», звучащим за сценой. Этот прием, теоретически обоснованный Понтаном, был хорошо известен школьным драматургам, в частности его применил в «Комедии на Рождество Христово» Дмитрий Ростовский.¹⁰ «Эхо» внесло в пьесу Хмарного и некоторое ритмическое разнообразие: произведение написано тринадцатисложным силлабическим стихом, в сценах же с «эхом» длинные стихи сочетаются с короткими, пятисложными.

---

¹⁰ В. И. Резанов. Из истории русской драмы. Школьные действия XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910, стр. 108.

В целом со стороны художественной формы «Образ победоносия» — произведение, не выходящее за рамки старой литературной традиции. В пьесе присутствует набор рифм и тропов, хорошо известных еще со времени Симеона Полоцкого.

Лексика «Образа победоносия» представляет собой эклектическую смесь различных элементов, весьма типичную для языка петровского времени. Впечатление этой пестроты усугубляют к тому же украинизмы («похлебство», «здоры», «година», «звоянна», «збоденный» и др.).

При всех своих скромных литературных достоинствах пьеса «Образ победоносия», очевидно, на том этапе соответствовала вкусам зрителей, подтверждением этого являются два списка драмы и ее влияние на позднейшую школьную пьесу «Образ торжества российского».
